

Возвращение на круги своя

Интервью с заведующим кафедрой актерского мастерства Магнитогорской государственной консерватории Виктором Шрайманом

— Виктор Львович, не хочу скрывать от вас и от читателей газеты, что с большой радостью вновь встречаюсь с вами. Театру куклы и актера «Буратино» 8 февраля исполняется 33 года. В день рождения всегда вспоминают и о родителях «новорожденного». Лично вы в каком родстве с театром?

— Мы, группа ленинградских артистов, приехали в Магнитогорск летом 1972 года, а в феврале 1973 года театр пригласил магнитогорцев на свой первый спектакль. Конечно, я себя ощущаю папой новорожденного, имея в виду театр, а Марка Борнштейна — мамой. В таком театре, как «Буратино», режиссер и художник — это тандем, который, как сиамских близнецов, практически нельзя разделить. Но это мой взгляд.

— Тридцать три года назад, когда город получил театр кукол, люди искренне радовались. Тогда еще умели радоваться открытию книжного магазина, театра, а не супермаркета. А когда вы и ваши товарищи за короткое время среди боршей и котлет — театр находился в одном помещении с кафе и кулинарным магазином — явили горожанам такой театр, в который и билет было трудно достать, то любители театра буквально купали вас в любви и аплодисментах. Театр получил международное признание. И вдруг как гром среди ясного неба — «Шрайман уезжает». Общественность, и не только театральная, взволновалась. Я хорошо помню пресс-конференцию журналистов города с первым секретарем горкома партии Львом Стоббе. Полагалось начать с того, сколько выплавили и построили. А начали с вопроса: «Почему уезжает Шрайман?» И тогда Лев Георгиевич сказал, что беседовал с вами, сослался на пример своего друга-режиссера из Москвы. Суть была в том, что Лев Георгиевич знал и знает творческих людей, которые в реализации своих замыслов доходят до определенного барьера, а потом в другом месте начинают этот путь сначала. Лев Георгиевич был прав?

— Да, скорее, был прав. На тот момент я очень устал от театра, от себя и от города, который в те годы практически нам не помогал. Кроме того, есть, видимо, и обстоятельства биологического. Бывает возраст, когда у мужчин есть потребность изменить что-то в своей жизни. И было еще одно обстоятельство — обстановка в стране. Я уехал в 1990 году — очень действовало остановившееся время. Восемнадцать лет руководил театром, замкнувшийся в своем мире. Театр известен в мире, на словах в городе поддерживают, а на деле нет. Совокупность обстоятельств — вот причина моего отъезда.

— Как сложилась жизнь на новом месте?

— Утром 6 декабря 1990 года я прилетел в Тель-Авив, а вечером уже репетировал во вновь создаваемом русскими эмигрантами, теперь уже знаменитом и обьехавшем весь мир театре «Гешер». Гешер — это мост, как образ двух культур — русскоязычной и ивритоязычной. Я полагаю, что меня никто не ждет. Ехал не один: вся семья, все наши родственники. Мы с женой пошли искать съемную квартиру. Вер-

нулись к знакомым, у которых остановились, а там уже сидит актер Евгений Терлецкий и говорит: «Чего ждешь? Поехали репетировать, работать». Стал работать в компании Михаила Козакова, Леонида Каневского, Григория Лямпе. Руководил театром очень известный молодой режиссер Алье, который уехал вместе со своими учениками по ГИТИСу создавать новый театр.

— А как вновь оказались в Магнитогорске?

— Позвонил Александр Якупов. Я сначала на все его предложения ответил отказом. Но он оказался умнее меня, сказал: «Ну, я буду просто вам звонить». Я ответил: «Не вводите себя в ненужные расходы». — «Ничего, — сказал он, — я буду звонить для души». Я ему до такой степени обязан, что считаю его своим вторым отцом. Он восемь месяцев вел со мной переговоры, проявив огромное терпение, настойчивость и мудрость. Я поехал только потому, что однажды сын мне сказал: «Папа, ведь ты же любишь Россию. Поезжай на год, ты всегда можешь вернуться». А Якупов сказал: «Да хоть на месяц приезжайте». Он гораздо мудрее меня. Приехал я на год, мне понравилось, и я задержался. Сейчас преподаю в консерватории, веду кафедру актерского мастерства.

— Вы ставили спектакли в оперном и драматическом театрах. Странная была ситуация. Изругали здесь, а на престижных фестивалях театрального искусства ваши работы отмечают как лучшие. Так ведь было со спектаклем «Кто боится Вирджинии Вульф?»

— «Гамлет», «Дядя Ваня», «Стеклозвонный зверинец» — вот мои работы в драматическом театре. А о ситуации вокруг моих работ есть старое и точное выражение о пророках, которых нет в нашем отечестве. Да, была травля, чего скрывать, и в ней активно участвова-

лились в помещении театра-студии «Диалог». Потом мы «квартировали» во Дворце культуры имени С. Орджоникидзе. Теперь нам, наконец-то, нашли место в консерватории, чьими студентами и являются будущие актеры.

— Виктор Львович, я не ваш биограф, но чисто профессионально слежу за вашей судьбой. Вы — личность, человек, который любит свое дело, знает его, ради него живет. И никому не переходит дорогу. Скорее, с вами поступают некорректно. А чего больше в вашей жизни — радостного или печального?

— Конечно больше радостного. Просто не очень верно представление о том периоде, когда я вернулся. Я девять лет работаю со студентами и очень это люблю. В Израиле я преподавал в театральном институте, там значительно тяжелее. И не потому, что нужно говорить на иврите — там совершенно другой менталитет. Мне удалось в драматическом театре поставить несколько спектаклей, и я был счастлив. Я поставил несколько спектаклей в оперном театре и «Буратино», много учебных спектаклей. Я абсолютно реализуюсь в своей профессии. А разве это не счастье? Мое возвращение как раз-таки счастливое. Правда, контракт был всего на год, и я даже чуть не стал директором театра «Буратино», но помешало мое иностранное гражданство — по положению иностранный гражданин не может отвечать за финансы. Начали искать варианты, как решить эту «политическую коллизию». Нужно было внести в устав театра одну строчку о введении другой должности. Девять месяцев «вносили» и не внесли. Мне это надоело. Я отказался, но опять же вышла лживая информация. Правда была в том, что я действительно отказался, но в информации ни слова не было о том, что я девять месяцев находился

Фото Евгения РУХМАЛЕВА.

Виктор Шрайман ощущает себя папой «Буратино», а мамой с полным основанием называет Марка Борнштейна

ли и некоторые, не в обиду вам, журналисты. Что поделаешь, видимо, такою их профессиональный уровень. А если говорить о спектакле «Кто боится Вирджинии Вульф?», то он получил много различных наград, в том числе Гран-при и диплом «Золотой маски».

— Надо полагать, вы обоснованно обиделись?

— Очень обиделся. Я, как приехал, не только в оперном работал. Мне Александр Николаевич предложил руководство кафедрой, где я по сей день и работаю. Кафедра базировалась в драматическом театре. Таков был договор между театром и консерваторией. Потом нас из театра просто вырвали — меня и студентов. Так распорядился главный, уже бывший, режиссер, и ему никто не возразил, хоть и был нарушен договор. Мы долгое время искали место, где заниматься. С курсом я работал у себя дома на нескольких квадратных метрах. Моя гостиная — 17 кв. метров, а свободная площадь — 3–4 кв. метра. Нас в свое время выручил Леонид Голицын — за-

во «взвешенном» состоянии.

— Как живут-поживают в Израиле наши магнитогорцы — Евгений Терлецкий, Михаил Вассерман?

— Терлецкий продолжает работать в театре «Гешер». Театр элитный, в нем бывает истребительный — израильское правительство. Билеты на его спектакли стоят несколько сотен долларов, но актеры обеспечены плохо, работают очень много. Вообще, в Израиле, как в любой капиталистической стране, надо работать очень много. И работой «бросаться» нельзя. Юра Суханов имеет свой бизнес — делает театральные декорации. Миша Вассерман — агент мебельной фирмы по продаже.

— Виктор Львович, напомним вам: когда вы приехали работать в город, вы, не лукавя, сказали, что оказались не очень готовым к жизни при капитализме, где каждый отвечает только сам за себя и все решения, как быть, как жить, принимает сам со всеми последствиями, негативными или позитивными.

— Это правда. Когда машина Якупова везла меня из Екатеринбурга и мы въехали на левый берег, я почувствовал, как ушащено бьется сердце. Я вышел, пошел по городу, подошел к центральному переходу, посмотрел на комбинат, на грязное небо, на заросший тинной пруд...

— Огорчились, пожалели о своем согласии?

— Нет. Плакал от счастья. Мама моего сына Алеша присылала в Израиль видеозаписи, и были кадры, снятые из дома, где находилась библиотека на улице Завенягина, а теперь Казачья переправа. Виден комбинат. Страшный, грязный, черный снег. Мы с сыном назвали на «стоп-кадр»... Никакой нам не нужен Лос-Анджелес, никакие Канары... Я был очень счастлив, хоть и приехал с опаской. Но моя земля здесь. А жена моего брата, уехав в Израиль, как будто улицу перешла. У всех по-разному.

— Как складывается жизнь у ваших детей?

— К сожалению, я пока еще не дедушка. Дети мои — романтики и максималисты, ищут высокие чувства. Если про жизнь сегодня можно сказать, что она замечательная, именно так они и устроились. Катя и Алеша окончили очень продвинутые курсы по компьютерному дизайну, стали художественными дизайнерами в фирме. Живут в Петербурге, я у них часто бываю.

— А ведь в Израиле Алеша никак не мог «найти себя» и свое дело.

— Да, но он напел себя здесь. Через своего босса они получают заказы,

размещая на сайте рекламу различных фирм. У них приличный заработок. Вижу их часто.

— Сейчас вместе с актерами вы возвращаете на сцену театра спектакль «Винни-Пух и все, все, все». Это будет прежний вариант, или вы внесете в спектакль что-то новое?

— Пытаюсь внести в спектакль ощущение дня сегодняшнего. Оформление по замыслу художника Марка Борнштейна, но новое, с ощущением сегодняшнего времени. А главная цель — вернуть один из лучших детских спектаклей. Как мне сказали, он не шел шесть лет. Выросло новое поколение. Почему бы не восстановить?

— Я хочу напомнить читателям, что создаваемый как кукольный, театр быстро и оправданно стал театром куклы и актера, в котором актеры-кукольники показали себя как драматические актеры. А что дальше, какие планы?

— Летом я выпускаю четвертый курс, через год выпускаю третий и из консерватории ухожу. На это есть причины. Что будет дальше? Пока не знаю. Работаю над возвращением спектакля.

— Спасибо за откровенный разговор. Пусть вас не обидит, но я процитирую нашего супершомена Леонида Якубовича. Каждую встречу со зрителями он заканчивает пожеланием: «И дай вам Бог». Так вот, и дай вам Бог прежде всего здоровья, которое позволит вам еще долго творить. С днем рождения вашего «сына» — театра «Буратино»!

Лидия РАЗУМОВА.